

Ответ инженера на рецензию политэконома

Примечание редакции. В дискуссию вокруг статей «[Традиционные ценности против идеологии](#)» и «[Не могу поступиться принципами](#)» после [рецензии политэконома С.В. Ганзя](#) вступил инженер Андрей Николаевич Чесноков. Ниже публикуем его статью.

Уважаемый Сергей Васильевич!

Благодарю Вас за рецензию. Внимательное прочтение Ваших замечаний позволило мне глубже осмыслить как собственную позицию, так и аргументацию оппонентов. Вы — человек несомненно эрудированный, мыслящий логически и стремящийся к терминологической точности. Это вызывает уважение независимо от степени согласия с Вашими выводами.

Позвольте предложить Вам некоторые соображения по существу поднятых Вами вопросов.

О соотношении идеологии и традиционных ценностей

Вы предлагаете рассматривать традиционные ценности как разновидность идеологии на том основании, что и то, и другое суть «системы идей». С формально-логической точки зрения Ваш аргумент безупречен. Действительно, если мы определяем идеологию как «систему идей», то любые ценностные ориентации автоматически попадают в это понятие.

Однако позволю себе обратить внимание на методологическую проблему такого подхода. Когда понятие расширяется до всеобъемлющего, оно утрачивает аналитическую ценность. Если всё есть идеология, то само понятие перестаёт что-либо обозначать.

Представляется более продуктивным различать:

1. Идеологию как целенаправленно сконструированную систему взглядов, создаваемую определённой группой для достижения конкретных целей, чаще всего связанных с удержанием или получением власти. Идеология всегда имеет автора или коллектив авторов. Она проектируется «сверху» и внедряется в общественное сознание.

2. Традиционные ценности как органически сложившиеся в народе на протяжении веков нравственные ориентиры, не имеющие единого автора, не оформленные в виде стройной доктрины, но передаваемые из поколения в поколение через воспитание, культурную практику и религиозную традицию.

Различие здесь не в содержании отдельных идей (они могут совпадать), а в способе происхождения и бытования. Именно это различие, на мой взгляд, имел в виду Александр Александрович, противопоставляя идеологию традиционным ценностям. Идеология — конструкт, ценность — органика. Идеология навязывается, ценность усваивается. Идеология требует пропаганды, ценность — примера и воспитания.

Об экономическом детерминизме

Вы указываете на связь идеологии с экономическими условиями существования общества. Это наблюдение восходит к марксистской традиции и в определённых пределах является эвристически ценным. Действительно, нельзя отрицать, что материальные условия жизни влияют на общественное сознание.

Однако позволю себе заметить, что сведение всех духовных явлений к «экономическому базису» представляет собой редукцию, не подтверждаемую ни историческим опытом, ни повседневной практикой.

Если бы ценности определялись исключительно способом производства, мы не наблюдали бы мучеников, идущих на смерть за веру независимо от экономической формации. Мы не видели бы людей, жертвующих достатком ради истины. Мы не имели бы феномена совести, которая может мучить человека вне всякой связи с его экономическим положением.

О субъектности народа

Вы пишете, что народ должен из объекта управления превратиться в субъекта. С этим невозможно не согласиться. Вопрос в том, что препятствует этой субъектности.

Марксистская традиция отвечает: частная собственность и эксплуатация. Православная традиция отвечает: грех. И эти ответы не исключают, а дополняют друг друга, но лежат в разных плоскостях.

Человек может быть объектом не только чужой воли, но и собственных страстей. Тщеславие, гордыня, жажда признания способны управлять нами куда более эффективно, чем любой внешний «эксплуататор». Можно носить дорогие костюмы и входить в высокие кабинеты — и при этом оставаться рабом.

Свобода обретается не только через изменение внешних обстоятельств, но и через внутреннее освобождение. В православной традиции это освобождение

совершается через покаяние и предстояние перед Богом. Только перед Лицом Вечности человек обретает подлинную свободу выбора между добром и злом.

О блудном сыне

Вы упоминаете притчу о блудном сыне с известной долей иронии, усматривая в ней идеологический конструкт. Позволю себе заметить, что притча — не идеология. Идеология объясняет, как устроен мир. Притча призывает изменить жизнь.

В этой притче — суть христианского понимания отношений человека и Бога. Отец не спрашивает о достижениях, не оценивает эффективность, не проверяет соответствие нормативам. Он просто принимает вернувшегося. Никакая идеология этого дать не может.

Вместо заключения

Уважаемый Сергей Васильевич! Я не призываю Вас отказаться от интеллектуальной честности, от логики, от стремления к точным определениям. Я лишь позволяю себе предположить, что есть реальность, которая не улавливается сетью понятий. Что есть истины, которые открываются не анализу, а сердцу.

Вы говорите об экономических отношениях. Я — о том, что их одушевляет. Вы — о системах идей. Я — о Живом Боге. Вы — о том, как переделать мир. Я — о том, как воспитать себя. Потому что без этого всё остальное, по слову Екклесиаста, «суета сует».

Спасибо Вам за честный разговор. Такие беседы, даже при расхождении позиций, помогают прояснить главное.

Инженер

Чесноков Андрей Николаевич